

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОЛОВЕЦКИХ ХАНОВ И РУССКИХ КНЯЗЕЙ (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIII В.)

А. А. Кондратенко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kondratenkoa782@gmail.com*

Статья посвящена разносторонним взаимоотношениям Киевской Руси с Половецкой Степью в обозначенный хронологический период (первая треть XIII в.). Данная статья содержит материал о матримониальных союзах между половецкой политической элитой и русскими князьями. Особое внимание уделено подробному и детальному описанию русско-половецкого объединения накануне битвы на р. Калке.

Ключевые слова: половцы; Киевская Русь; союз; династический брак; военно-политические взаимоотношения.

MILITARY-POLITICAL RELATIONS OF POLOVTSIAN KHANS AND RUSSIAN PRINCES (THE FIRST THIRD OF THE XIIIth CENTURY)

A. A. Kondratsenko

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: kondratenkoa782@gmail.com*

The article is devoted to the diverse relations between Kievan Rus and the Polovtsian Steppe in the designated chronological period (the first third of the XIIIth century). This article contains material about matrimonial unions between the Polovtsian political elite and Russian princes. Special attention is paid to the detailed description of the Russian-Polovtsian Union on the beginning of the battle on the Kalka River.

Key words: Polovtsy; Kievan Rus; union; dynastic marriage; military-political relations.

С втягиванием половцев в орбиту влияния Руси в конце XI в. отношения между восточнославянским земледельческим населением и кочевниками значительно активизировались. Очевидно, что сведения друг о друге первоначально попадали к обоим народам через массу полонянников, которые захватывались в ходе частых столкновений. Несомненно, сведения о половцах поступали на Русь и через половчанок, которые становились женами русских князей, а также через их свиту и отдельных половцев, поступавших на службу к князьям. С развитием у половцев феодальных отношений, какая-то часть кочевников стала оседать на земле в непосредственной близости от границ Руси. Письменные источники не оставляют сомнений в существовании в XII в. близких отношений между древнерусской и половецкой знатью [2].

Это сближение выражалось, прежде всего, в заключении между ними родственных связей. Браки занимают особое место в системе матримониальных связей княжеских фамилий, прежде всего потому, что это были единственные браки Руси со Степью. В настоящее время известно около 10 браков князей с половчанками [7, с. 65]. Несмотря на то, что отдельные князья занимали в отношении половцев враждебную политику (например, Мономаховичи и Ростиславичи прославились как сторонники неприятия каких-либо союзов с

кочевниками), даже они никогда не чуждались заключения родственных связей с ними [7, с. 67]. Половцы находились в родственных связях почти со всеми княжескими родами Руси.

Частые браки на половчанках оказывали сильное влияние на антропологический облик русской знати. Например, рентгено-антропологический анализ скелета Андрея Боголюбского показал, что князь имел ярко выраженные степные, с большой примесью монголоидности, черты [11]. На 1/3 половецких кровей был знаменитый Игорь Святославич, воспетый в «Слове о полку Игореве» [12]. Так, половец Кунут командовал в войске Владимира Мономаха княжеской пехотой. Георгий Иванович, брат хана Шарукана, в 1159 г. ездил послом от Святослава к Изяславу Давидовичу. Известны половцы на княжеской службе: Куман, Кулмей, Судомир Кучебич, Олбырь Шерошевич и др. О ориентации половецких ханов на Русь свидетельствует ношение многими из них православных имен. В источниках встречаются такие имена половецких ханов: Данила, Глеб, Гаврила, Борис и др. О степени культурного воздействия Руси на половецких ханов свидетельствует и то, что сыновья двух наиболее враждебных князьям половецких ханов Кобыка и Кончака носили имена Данило и Юрий.

Нельзя отрицать и обратное влияние половецких ханов на Русь, куда из Степи проникало кочевническое оружие – луки, седла, стремя. Повсеместное распространение в XII–XIII вв. на территории Руси получила сабля. Хотя нельзя утверждать, что значительная роль в этом принадлежала именно половецким воинам, столкновения, несомненно, приводили к заимствованию восточнославянскими воинами образцов половецкого оружия. Например, в 1165 г. князь Василько с дружиной, по сообщению летописца, во время захвата половецких веж «обогатиша... оружиемъ и кони» [9, с. 501].

Тесное общение половецких ханов с Русью привело к взаимному обогащению языков. В древнерусском языке сохранилось огромное количество тюркизмов, т. е. слов, в основе которых лежат тюркские корни. Конечно, не все они попали в древнерусский язык от половецких ханов, но значительная их часть относится именно к половецкой эпохе. Тюркизмами являются прочно считающиеся сегодня «русскими» слова – кафтан, сарафан, колпак тулуп, башмак и др. [1, с. 602, 632].

Таким образом, продолжавшиеся почти два столетия, со второй половины XI до конца первой трети XIII в., отношения Руси и Степи характеризовались весьма разнообразными этнокультурными связями. Тесные и оживленные связи с половецкими ханами накладывали свой отпечаток и на развитие политических отношений.

Период от первой битвы княжеств Руси с монголами на р. Калке (в настоящее время река Кальчик, приток реки Калтиус, впадающей в Азовское море к западу от реки Дон; Донецкая область) в 1223 г. до свержения ордынского господства в 1480 г. освещен в исторической литературе неравномерно и далеко не однозначно. В значительной степени это объясняется особенностями источниковой базы: истинные события того времени в кратких рассказах современников позже обросли поэтическими вымыслами и литературными украшениями. Поэтому понятно, что в исторической литературе нередко высказываются мнения и оценки, не подкрепленные конкретными историческими фактами.

Поэтому существует необходимость обобщить, уточнить и объяснить некоторые события, связанные с битвой на р. Калке, которая проходила предположительно с 31 мая по 3 июня 1223 г. В частности, показать цель первого монгольского нападения на древнерусские княжества, очертить географию места сражения, раскрыть основные причины поражения союзных войск князей и ханов, а также подвести итоги этой битвы.

В 1219–1220 гг. Чингиз-хан вел успешную войну против шаха Мухаммеда II, огромная империя которого включала всю Среднюю Азию, а также значительные территории современных государств Ирана и Афганистана. Причиной этой войны послужило убийство монгольских послов и купцов в пограничном городе Отраре с ведома и согласия его правителя Инальчин-хана и самого шаха. По законам Великой Ясы (свод законов монгольской империи) за этот поступок жестоко карались виновник и население страны, где совершилось преступление [13].

В ходе войны армия шаха была разбита, а сам Мухаммед II бежал. По его следам Чингиз-хан направил своих лучших полководцев Субедей-багатура и Джебе-нойона, выделив каждому из них по тумену (военному корпусу в десять тысяч всадников). Мухаммед-шах закончил свои дни на одном из островов Каспийского моря. По приказу Чингиз-хана монгольские тумены пополнились корпусом Тохучар-нойона общей численностью в тридцать тысяч всадников и двинулись в Кавказские горы, а затем Приазовские степи, где кочевали половцы. Вероятной целью этого похода являлся разгром половцев за предоставление приюта заклятым врагам Чингиз-хана – остаткам монгольского племени мернитов [13].

Монгольские войска в 1220 г. с боями прошли территории современных Азербайджана, Армении и Грузии и в районе Кубани вышли в тыл половцам, действовавших совместно с аланами (осетинами). Здесь монголы пошли на хитрость: чтобы разбить союз половцев и аланов они послали к половцам парламентеров, которые от имени своих полководцев заявили, что «Мы и вы – один народ из одного племени, аланы же нам чужие; мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга, и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, предоставьте их нам» [13, с. 32–58]. Половцы поверили обещанию и оставили алан, а после этого аланы, а затем и половцы были разгромлены.

В начале 1222 г., монгольские соединения, преследующие отступающих половцев, ворвались в Крым, где находились генуэзские и венецианские торговые фактории. Монголы захватили и подвергли разграблению самый большой город-порт – генуэзскую Солдайю (современный город Судак). Половцы, вынужденные бежать к границам славянских земель, вышли к Днепру. Один из видных половецких ханов Котян, не жалея подарков, обратился за помощью к своему зятю, галицкому князю Мстиславу Мстиславовичу Удалому, или Удатному. Хан Котян прямо заявил: «Нашу землю нынче отняли татары, а вашу завтра возьмут, защищайте нас; а если не поможете нам, то мы будем перебиты нынче, а вы завтра» [8, с. 265]. Английский историк-славист Джон Феннел замечает, что «создается впечатление, что русские либо ничего не знали о походах и завоеваниях полчищ Чингиз-хана, либо не делали об этом записей, по непонятным причинам игнорируя военные успехи татаро-монголов» [15, с. 102].

Учитывая грозную реальность, по инициативе галицкого князя Мстислава в Киеве созвали съезд князей, на котором было принято решение о совместном походе древнерусских и половецких войск против монголов. Возможно, если бы князья проигнорировали проблемы половцев, монголы оставили их в покое. Тогда же в Киеве, вероятно, были убиты десять монгольских послов, пытавшихся уговорить князей не оказывать помощь половцам. В союзное войско вошли дружины ряда князей и половецкие войска. Их общая численность вряд ли достигала двадцать тысяч воинов. В походе не приняли участие виднейшие владими́ро-суздальские, новгородские, полоцкие князья, а основным недостатком союзного войска являлась его разобщенность, отсутствие единого командования. Князья даже в бою держались друг от друга, а пальму первенства в руководстве походом оспаривали Мстислав Киевский, по старшинству на Руси, и Мстислав Удалой Галицкий, как инициатор этого похода.

В начале мая 1223 г. союзное войско отправилось вниз по Днепру, двигаясь частью по правому берегу реки, а частью на кораблях по течению Днепра. Передовые части союзной армии перешли Днепр у острова Хортица и сразу вступили в бой с монголами, которые притворно стали отступать. Союзники двигались на восток, постоянно отбивая нападения отдельных монгольских отрядов и обращая монгол, как им казалось, в бегство. Этот поход продолжался около двадцати дней, в течение которых монголы все глубже и дальше заманивали противника в Степь. Дойдя до реки Калка, 31 мая 1223 г. тяжело вооруженные всадники опрокинули монголов, а половцы воеводы Яруна и отряд Даниила Волынского бросились их преследовать, выдвинувшись далеко вперед. Тем временем дружина Мстислава Черниговского только переходила Калку, а войско Мстислава Киевского с отрядами его близких родственников и вовсе начало укрепляться на правом берегу реки [4, с. 780].

Внезапно перед преследованием монголов половцами и волынцами появились основные силы Субедея и Джебе. В короткое время были уничтожены дружины половцев и Даниила Волынского, а затем последовательно разбиты отряды Мстислава Удалого и Мстислава Киевского. Однако в течение трех дней монголы не могли овладеть укреплением. Лишь 3 июня с помощью так называемых бродников (вероятно, славян) и их старшины под именем Плоския, которым пообещали от имени Субедея жизнь и свободу князьям и дружинникам, удалось выманить из лагеря и перебить княжеские дружины.

Союзное войско понесло страшные потери. Летописцы отмечают, что вернулась лишь десятая часть дружинников. Если же исходить из того, что в живых осталось 7 или 8 князей из 18, то можно говорить о гибели не менее половины всего войска князей Руси. Монголы казнили пленных князей во главе с Мстиславом Романовичем Киевским, положив на их связанные тела доски и оглобли. Усевшись на них, триста монгольских военачальников устроили так называемый «пир на костях», раздавив пленных князей. Оставшихся в живых воинов-союзников монголы преследовали до самого Днепра по Залозному шляху, то есть по древнему торговому пути от Азовского моря к Днепру, попутно ведя подсчет городов и людей. Самым крупным из разоренных городов стал Новгород-Северский [4, с. 783–784].

Посланный к монголам римским папой Иннокентием IV в апреле 1245 г. францисканский монах, итальянец из г. Перуджи Плано Карпини описал военную тактику кочевников, которая нашла применение и в событиях 1223 г.: «Надо знать, что всякий раз, когда они завидят врага, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы, и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и если их враги преследуют до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают. Точно также, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и грабят ее. Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собой на конях юношей, а также женщин и детей [...] они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой» [10, с. 250].

Предположительно зимой 1223 г. во Владимиро-Суздальском княжестве, в городе Ростове состоялся съезд дружинников, которые служили у различных князей. На этом съезде было принято решение и заключено соглашение о службе всех дружинников только великому киевскому князю. Сразу после съезда дружинники двинулись в Киев на службу князю [6]. Князья не придали нужного значения появлению нового противника, отметив в летописи: «...откуда пришли те татары, не знаем и неизвестно куда делись опять» [4, с. 787]. Раздробленная и разрываемая войнами, встретила Русь врага, неведомого и не имевшего, как выяснилось, равных по силе.

По мнению ряда историков, поход монгольского войска, который закончился битвой на Калке, являлся глубокой стратегической разведкой для подготовки намеченного Чингиз-ханом нападения на Европу. Так, английский историк С. С. Уолкер отмечает, что «поход Субедея и Джебе, продолжавшийся два с половиной года, позволил монголо-татарам непосредственно познакомиться с русскими войсками и укреплениями городов, а от многочисленных пленных они могли получить сведения о внутреннем положении русских княжеств, особенностях ведения военных действий в Северо-Восточной и Южной Руси в различное время года, о путях сообщения и возможных военных силах. Глубокая стратегическая разведка стран Восточной Европы была проведена» [14, с. 150].

Следует указать и на причины, которые (по крайней мере отчасти) объясняют, почему союзное войско потерпело поражение в 1223 г. Во-первых, в Ипатьевской летописи прямо говорится о «великой вражде» между тремя ведущими князьями Руси, активными участниками этого похода и битвы: Мстиславом Ростиславовичем Киевским, Мстиславом Святославовичем Черниговским с одной стороны и Мстиславом Мстиславовичем Удалым (Удатным) с другой. Отсутствие единства между этими лидерами войска, которое было так необходимо в походе и явилось, вероятно, существенной причиной поражения. Во-вторых, военные действия половцев и русичей были не то чтобы несогласованными – они были хаотическими. В довершении всего ни те, ни другие не имели полководца, достойного возглавлять союзное войско. В-третьих, союзники совершенно недооценили боеспособность и мощь

монгольской кавалерии и, наконец, неправильно выбрали место битвы, которое идеально подходило для атаки мобильной конницы монголов.

Поражение на Калке произвело ошеломляющее впечатление на современников: трудно найти летопись, которая бы не упомянула об этом событии, называемом «карой Божией». Историки часто подчеркивают то обстоятельство, что после поражения на реке Калке, к сожалению, не было сделано никаких выводов. В частности, Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский пишут: «Казалось бы, что русские князья должны были из этого первого столкновения с татарским войском извлечь для себя урок на будущее, но они этого не сделали и не смогли сделать, поскольку не могли при данных условиях преодолеть феодальную разобщенность, противоречивость интересов феодальных владетелей, делавших неизбежными бесконечные бессмысленные войны, не прекращавшиеся даже тогда, когда внешний враг находился в стране» [3].

Так завершилось первое боевое столкновение славянских земель со Степью, выводы из которых так и не были сделаны. Память об этом поражении долго жила на Руси. До нас же дошли четыре летописные версии рассказа о битве на Калке. Самая краткая из них – владими́ро-суздальская, а более подробными являются киевская, волынская и новгородская версии. Во всех этих рассказах поражение объясняется как «кара Божия». В настоящее время вопросы монгольского нашествия, и в том числе битвы на Калке, наиболее полно и точно изложены в работе В. В. Каргалова «Русь и кочевники» [5].

Непоправимый удар после этой битвы получили половцы, роль и значение которых, прежде всего, как военной силы, было окончательно подорвано. Уже к середине 30-х гг. XIII в. преобладанию половцев в южнорусских степях, по всей видимости, был положен конец.

Библиографические ссылки

1. Kuun. Codex Cumanicus bibliothecae at templum Divi Marci Venetiarum. Budapest, 1880. С. 602, 632.
2. Noonan T.S. Rus' Pachenges and Polovtsy: Economic interaction along the Steppe Frontier in the Pre-Mongol Era // Russian history. 1992. Т. 19. № 1–4. Р. 18–72
3. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда: взлет и падение. М., 1998. С. 150
4. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Изд-во вост. литературы, 1998. Т. II. 938 с.
5. Каргалов В. В. Русь и кочевники. М.: Вече, 2008. 480 с.
6. Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь (Очерки социально-политической истории). Л.: Наука, 1987. 215 с.
7. Никитин А. Половецкая Русь // Знание сила. 2000. № 5–6. С. 62–71
8. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
9. Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т.1. 405 с. Т.2. 554 с.
10. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. 272 с.
11. Рохлин Д. Г. Рентгено-антропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского // Проблемы истории докапиталистического общества. 1935. № 9–10. С. 155 – 161.
12. Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 483 с.
13. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. 1884. С. 32–58
14. Уолкер С. С. Чингиз-хан. Ростов-на-Дону, 1998. 174 с.
15. Феннел Д. Кризис Средневековой Руси (1200 – 1304) / Пер. с англ. М., 1989. 217 с.